

Работа выполнена в секторе фундаментальных исследований культуры
Российского института культурологии Министерства культуры
Российской Федерации

Официальные оппоненты:

доктор педагогических наук и доктор экономических наук,
профессор ТЕБИЕВ Б.К.

доктор психологических наук,
профессор НИКОЛАЕВА В.В.

доктор культурологии,
профессор РЕМИЗОВ В.А.

Ведущая организация:

Московский Государственный университет культуры и искусств

Защита состоится " ____ " _____ 2003 года в ____ часов
на заседании Диссертационного Совета Д 210.015.01
в Российском институте культурологии Министерства культуры
Российской Федерации по адресу:
Москва, 1119072, Берсеневская наб., д. 20, ауд. 13.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Российского института
культурологии Министерства культуры Российской Федерации по адресу:
Москва 119072 Февральская наб., д. 20.

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Обоснование проблемы исследования.

Актуальность

Я думаю, что имеет смысл в самом начале прокомментировать присутствие двух слов в названии диссертации: «интерпретация» и «личностное».

Первое слово - *интерпретация* - акцентирует внимание на *субъективности* восприятия¹ реального мира.

Второе слово *личностное* - призвано *отделить* весьма глубокое понятие «личность» от фрагментарной сущности того явления, которое обычно скрывается за этим понятием. Да, *психологический* облик человека не совпадает с его личностным укладом. В последнем случае мы должны учитывать не только врожденно-приобретенные свойства психики человека, но и его общественную роль и ценность, отраженную в социальном статусе. Но этот аспект выходит за границы настоящего исследования, и поэтому я вынужден использовать *слово-качество* вместо глобального понятия.²

Бесспорно, что *культура* - *целостность* двух неразрывных звеньев: *творца и его продукта*. Но удивительно, что большая часть людей ассоциирует культуру только с *продуктом* творчества - будь то его предметное воплощение³, будь то произведения «виртуальных» искусств.⁴ А что же творец-индивидуум, создающий материальные и духовные ценности, которые принимаются за культуру? Странно, но *науки*, которая бы изучала личность «творца-в-культуре», человека, создающего предметную культуру и находящегося в ней,

как бы погруженного в продукт своей деятельности - просто не существует.

Различного вида, рода и жанра биографические и автобиографические откровения, конечно, не могут считаться строго научным исследованием *личности*.⁵ Насколько достоверны приводимые в них сведения?

Вразумительный и исчерпывающий ответ нам дает великий Александр Сергеевич Пушкин: «Писать свои *Memoires* заманчиво и приятно. Никого так не любишь, никого так не знаешь, как самого себя. Предмет неистощимый. Но трудно. Не лгать - можно; быть искренним - невозможность физическая. Перо иногда остановится, как с разбега перед пропастью, - на том, что посторонний прочел бы равнодушно. Презирать - *braver* - суд людей не трудно; презирать суд собственный невозможно». ⁶ Еще более подозрительными в смысле достоверности являются «воспоминания» людей, окружавших протагониста на сцене его жизни, так как большинство авторов преследует лишь одну цель (явно выраженную или замаскированную, осознанную или неосознанную) - оказаться, пусть скандально и маргинально, в лучах славы героя своих реминисценций.

Правда, можно было бы указать на такие дисциплины, как психология и психиатрия. Но следует иметь в виду, что ни психология личности, ни эвропатология⁷ не ставят вопрос об изучении личности, *отраженной в продукте* своей деятельности. Эти дисциплины изучают личность *«саму-по-себе»*.

Заметно приближается к вопросу о личностном в продукте другая отрасль психиатрии, которая изучает *«акцентуированность»* личности в художественном произведении. Но и здесь, ответ на поставленный в диссер-

тации вопрос *личностного в тексте*, не вполне удовлетворяет: как *акцентуированные* личности здесь изучаются *персонажи* художественных произведений, но не сам автор исследуемого текста.⁸

Наконец, следует упомянуть раздел литературоведческой текстологии и искусствоведения - *атрибуцию*. На первый взгляд вопрос установления авторства спорного текста, решаемый в контексте «произведение-автор», идентичен вопросу, поставленному в диссертации. Однако это лишь внешнее совпадение. Атрибуция, кроме установления времени и места возникновения произведения, вопрос авторства решает в дихотомической форме: *да-нет*. Личностный компонент автора даже *не рассматривается*.

Итак, без ответа остаются вопросы: Какова мера *достоверности* документальных свидетельств, привлекаемых в историко-биографических исследованиях?⁹ *Адекватно* ли вообще автор привлекаемого свидетельства отразил то, что *хотел* отразить?

Эти вопросы взаимосвязаны, но основным и более глубоким является второй вопрос, так как касается проблемы *личностного* в историко-значимом продукте.

Слово... Текст... Язык... - именно эти сущности являются квинтэссенцией культуры,¹⁰ и именно они остаются до сих пор неразгаданной тайной бытия человека. Почему? Автор диссертации, конечно же, не претендует на исчерпывающий ответ. И все же в этой работе представлена, думается, нетривиальная точка зрения на проблему *«человек-воплощенный-в-тексте»*.

«Мысль изреченная есть ложь» - утверждал гениальный Ф.Тютчев. Я согласен с этим утверждением, но определил бы проблему так: *все*, что мы говорим -

I

B

добросовестно", но *недостоверно*. Тогда, казалось бы, перед нами простираются весьма мрачные перспективы: если *сказанное* не соответствует действительности (внешней и внутренней), но в то же время - является единственной основой взаимоотношений между людьми, то последствия этого должны быть непредсказуемы, а потому нежелательны и часто трагичны.

Трагические следы «нежелательного сказанного» показывают события российской истории XX века. Вспомним судебные процессы над «врагами народа» в 30-х гг., где основными доказательствами вины были собственноручные показания обвиняемых. Осуждающие, независимо от их политической ангажированности, оказывались в безвыходном положении: хотя процессуально *собственноручное* признание в преступлении и не является решающим доказательством вины, принцип «внутреннего убеждения» советского судопроизводства заставлял судей выносить обвинительный приговор.

За этими судебными «ошибками»¹² стояла, думаю, одна причина: невозможность и/или нежелание провести экспертизу *субъективной* достоверности и добросовестности свидетельских показаний и признаний обвиняемых. Дело в том, что если *добросовестность* - сугубо личностное отношение к высказыванию, то *достоверность* - его объективная оценка. Но к достоверности речевого высказывания можно отнести и с позиции *самого* говорящего, и тогда картина существенно меняется: сообщение может быть *истинным* или *ложным*. И именно эти категории лежат в основе судебных разбирательств, а потому они же и должны служить предметом экспертного исследования. Принимая же

положение о том, что юридические документы являются предметами культурно-исторического наследия, их личностная атрибуция и интерпретация становятся прерогативой *культурологической* экспертизы.

Невозможность проведения такой экспертизы вызывает большое сомнение, если вспомнить, что именно отечественные психологи (в частности, А.Р.Лурия) еще в 20-е гг. прошлого века стояли у истоков теперешней «грозы» всех недобросовестных свидетелей и «самооговорщиков» - аппарата «детектора лжи».¹³

Таким образом, если интеллектуальное решение вопроса *Я-в-тексте* принципиально было возможно¹⁴, то остается предположение о *нежелании* проведения такой экспертизы свидетельских показаний.¹⁵

• Вернемся, однако, к вопросу о *добросовестности* того, что человек говорит. Вдумайтесь: что может облегчить Вашу жизнь, если это зависит от того, *что* Вами говорится? Конечно, то, что *Вами* говорится. Тогда Вы сказали то, что, пусть и *недостоверно*, но *добросовестно* относительно Ваших мотивов. Добросовестность - это прямое следствие побудительного мотива самосохранения.¹⁶

Но если истина - одна, то ложь - многолика. При реализации высказывания проявляются эмоционально-вегетативные симптомы (изменения пульса, давления, глубины и частоты дыхания пр.), сопровождающие *субъективно* оцениваемую автором истинность или ложность своего сообщения. И вот здесь человек оказывается бессильным скрыть собственное отношение к истине или ложности своего высказывания, так как эмоции, сопровождающие *осознанный* мотив поведения, практически *неуправляемы* сознанием.-"

Вегетативная симптоматика — не единственный индикатор эмоций. Осознанно управлять лингвоструктурными механизмами речи гораздо труднее, чем научиться обманывать детектор лжи. Именно лингвоструктурный анализ остается единственной надеждой диагностики субъективной истинности/ложности текста. Но это станет возможным только на основе *проникновения* в «психическую ткань текста» (выражение К.Г.Юнга). Тогда этот анализ должен быть пригоден и для экспликации *личностного* компонента в тексте.

- Теория «погружения» в текст с целью вскрытия механизмов его понимания подлежит, в основном, компетенции философской герменевтики.

Герменевтическая традиция — это постепенное приближение (путем множественных интерпретаций) к исходному *содержанию* текста. Автор диссертации значительно отходит от этой традиции, руководствуясь следующим очевидным соображением: *понимание* текста далеко не исчерпывается пониманием его *содержания*. Текст содержит массу *неявной* информации: время и место возникновения текста, закодированные в нем сведения о менталитете, образовании, национальной культуре автора, и, наконец, адресность текста.

Культуролога интересует, кроме фактуальной, *личностно-психологическая* составляющая текста. Эта составляющая — неотчуждаемый атрибут любого человеческого действия, в том числе, и речевого. Следовательно, более полное понимание текста означает обособление и интерпретацию личностно-психологической ткани, оставляя *содержание* текста традиционной герменевтике. Отсюда и целесообразность названия новой дисциплины: теперь предпочтительнее говорить

о *психогерменевтике*. При этом полностью сохраняются *идеология* и *объект* философской герменевтики, но претерпевают значительные изменения *методология*, *метод* и *предмет*, которые должны соответствовать культурологическому аспекту уже новой науки.

В чем же, коротко, состоит культурологическое значение диссертации? *В придании самостоятельной значимости личностному фактору в продукте деятельности и, тем самым, обретения им ценностной роли нового аспекта в коммуникациях общества.*¹⁰

Объект исследования

Изложенное выше показывает, что объектом анализа служат вербальные *тексты*.⁹ Правда, к ним предъявлялись некоторые требования. Основное из них: исследуемые тексты должны быть *аутентичными*, то есть заведомо и достоверно принадлежать именно тому автору, чей личностно-психологический статус изучается.²⁰ Относительно объема исследуемого текста, требование не столь жесткое: минимальный объем — 150-200 слов, — что намного ниже уровня, необходимого для традиционного контент-анализа.²¹

Предмет исследования

Если ставится задача анализа и интерпретации *личностного* в тексте, то есть атрибут авторского уклада, то проблема понимания *содержания* текста отходит на второй план.²² На первый же план выходит личностно-психологическая составляющая облика автора. Полностью соглашаясь с тем, что *психологическое* не исчерпывает *личностное*, все же рискну утверждать, что первое является *главным* в личностном статусе человека.

Поэтому и *предметом* излагаемого исследования становится *психологический компонент личностного статуса автора текста*. Но работа не ограничена жесткими рамками только личностно-психологического анализа, так как позволяет достаточно подробно оценить в прикладном аспекте и социокультурную составляющую личности человека.

Цели и основные задачи исследования

Цели исследования:

- Предложить *теорию* экспликации феномена «Я-в-тексте» в парадигме психогерменевтики.
- Разработать *алгоритм метода* анализа и интерпретации личностного компонента в тексте.
- Провести *экспериментальную апробацию* метода на материалах культурно-исторического содержания.

Задачи исследования:

- Ответить на вопрос о *методологической корректности* теории в парадигме психогерменевтики.
- Проанализировать *источники теории* экспликации феномена Я-в-тексте.
- Проанализировать *источники метода* экспликации авторской индивидуальности в тексте.
- Оценить *надежность и достоверность* метода в эмпирическом исследовании текстов.

Основные результаты исследования и их научная значимость

- Предложена теоретическая концепция, которая позволяет *объяснить* принципиальную возможность экспликации личностно-психологического компонента в тексте. Отсутствие аналогов в решении подобных

задач в отечественных гуманитарных науках позволило автору сформулировать новое научно-практическое направление, названное *психогерменевтикой*.

- Впервые в отечественной научной экспериментальной практике личностно-психологическая составляющая текста становится эксплицируемой, то есть экспериментально обнаруживаемой и автономной. Таким образом, ранее лишь умозрительно описываемый феномен «Я-в-тексте», приобретает значение самостоятельной научной *категории* - «личностного в тексте».

- Разработан *алгоритм* психогерменевтического анализа вербального продукта, а также процедуры и приемы интерпретации личностного компонента в психологической ткани текста. Это, в свою очередь, позволило предложить компьютерную версию *метода оценки и интерпретации личностного* в тексте.

- В проведенных автором эмпирических исследованиях на материале культурно-исторических текстов разных жанров и различного времени создания обнаружены новые данные, указывающие на несомненную прикладную целесообразность *выделения* личностного фактора в тексте и его значимости для более полного *понимания и освоения* вербальной информации.

На защиту выносятся следующие положения:

- *Теоретическая концепция* экспликации личностно-психологической составляющей текста, заявленная в диссертации как новая научно-практическая дисциплина - *психогерменевтика*.
- *Принципы, алгоритм и процедуры метода* анализа и интерпретации личностного компонента в тексте.

- *Результаты эмпирического исследования личностного фактора* на материале текстов культурно-исторического содержания.

Практическая значимость работы

- Научной общественности предлагается к рассмотрению *новая научно-практическая дисциплина - психогерменевтика*, объясняющая присутствие и интерпретирующая значение личностно-психологической составляющей в продукте деятельности.
- Предложен новый в отечественной культурологической практике *метод экспликации* личностного фактора, который значительно расширяет диапазон возможностей эмпирического исследования текстов. Метод может быть использован специалистами в области культурологии, истории, литературоведения, искусствоведения, политологии, психологии, психиатрии, педагогики, криминологии и социологии. Метод полностью автоматизирован и представляет собой компактную компьютерную программу, к пользователю которой не предъявляются какие-то особые требования.
- В экспериментальных исследованиях, проведенных автором, обнаружены новые данные, интерпретация которых позволяет по-новому оценить ряд *комментариев и оценок* исторических событий и фактов.

Апробация исследования и внедрение результатов

Опыт многолетних исследований (с 1974г.) нашел применение в научно-практических областях знания:

- Культурология: *психогерменевтика* текстов

Нового Завета, произведений А.С.Пушкина, В.В.Маяковского, С.Есенина, В.С.Высоцкого.

- Литературоведение: *атрибуция* спорных произведений Н.Г.Чернышевского и М.Шолохова.
- История: *атрибуция* (Б.Савинков, Н.Бухарин - последние тексты) и *психогерменевтика* текстов политических и общественных деятелей России XX века.²³
- Криминология: *судебно-психологическая экспертиза* свидетельских показаний и самооговоров по постановлениям Прокуратуры СССР и Прокуратуры г. Москвы.
- Психодиагностика: *оптимизация* психологического климата в учебных и трудовых коллективах г. Москвы.
- Политтехнология: *редактирование* публичных выступлений кандидатов в члены Государственной Думы РФ.
- Реклама: *редактирование* адресности рекламных текстов по заказу рекламных агентств.

Структура диссертации

Диссертация состоит из Введения, пяти глав, Заключения и Приложения.

Первые три главы диссертации носят теоретико-методологический и методический характер, поэтому объединены под рубрикой - *Часть I. Общие вопросы психогерменевтики*.

Четвертая и пятая главы, имеющие внутреннюю рубрику, посвящены прикладным вопросам культурологии, поэтому объединены под рубрикой - *Часть II. Прикладная психогерменевтика*.

В Заключении подводится итог многолетним исследованиям и намечаются перспективы будущих работ.

В Приложении представлен материал по анализу изобразительного дискурса (рисунок А.С.Пушкина) и Словарь психологических характеристик программы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** представлены аргументы, обосновывающие *необходимость, актуальность и новизну* разработки теории и метода экспликации личностного компонента в авторском тексте²⁴. Определяется цель и задачи диссертационного исследования; обозначается предмет и называется объект исследования. Основной вопрос - *отсутствие* теории и метода объективации личностного фактора в тексте, в какой бы то ни было гуманитарной научной дисциплине.

•• В диссертации утверждается положение о том, что понимание вербального сообщения человеком, - как продуцирующим это сообщение, так и его воспринимающим, в принципе - неправильно: «Мысль изреченная есть ложь». Соглашаясь, что человек «обречен» неадекватно понимать себя и других людей, я все же делаю попытку расширить горизонт видения проблемы. Попытка состоит в утверждении того, что истинное отражение окружающей действительности «пребывает» в бессознательном. Следовательно, истинное представление о Я и другом-Я необходимо искать в структурах *продукта* бессознательной деятельности. Но вопрос редукции²⁵ структуры текста еще не ставился в контексте культурологии. Отсюда, я прихожу к заключению о *необходимости разработки новой научно-*

практической дисциплины. Но претендующая на научность дисциплина должна основываться на теории. В свою очередь, теория должна отвечать определенным требованиям. Какие же эти требования? Вопросам *методологии, теории и метода* посвящена первая часть диссертации: **Часть I. Общие вопросы психогерменевтики.**

Глава I: Вопросы методологии создания научной теории, - посвящена весьма «больному» для науки вопросу: каким требованиям должна отвечать *теория*, на которой базируется тот или иной метод исследования, чтобы результаты его применения были бы достоверны? Иными словами, здесь обсуждается один из «вечных» вопросов науки: Как отличить *науку* от *ненауки*! Здесь также обсуждается, весьма редко затрагиваемый, вопрос экономической²⁶ ценности теории.

В диссертации, в основном, рассматривается и анализируется постпозитивистская (попперианская) школа методологии науки: (К.Поппер, Дж.Агаси, М.Вартофский, Т.Кун, П.Фейерабенд), - как наиболее строгая и выверенная в своих положениях, но, одновременно, - весьма мозаичная в своем единстве.

В реферате коснемся двух, наиболее удаленных друг от друга (строгий «ортодокс» К.Поппер и «философ-анархист» П.Фейерабенд), позиций этой школы.

• «Строгость» задается самим основателем направления: логику научного исследования К.Поппер рассматривает как «нормативную дисциплину, свободную от каких-либо субъективных, психологических аспектов».²⁷ В свою очередь, развитие строгого «логизма» приводит Поппера к определению требования, чтобы действительно *научное* исследование подчинялось правилу фальсифицируемости.

К.Поппер так характеризует принцип фальсифицируемости теорий: «Мы должны требовать возможности выделить некоторую научную систему раз и навсегда в положительном смысле, но обязаны потребовать, чтобы она имела такую логическую форму, которая позволяла бы посредством эмпирических проверок выделить ее в отрицательном смысле: эмпирическая система должна допускать опровержение путем опыта».²⁸ Фальсификация у Поппера есть логическая операция опровержения исходной посылки (например, какой-либо теории) на основе отрицательного вердикта истинности следствий этой посылки (например, экспериментальное опровержение гипотез этой теории). Так, «если сингулярные следствия оказываются приемлемыми, или верифицированными, то теория может считаться в настоящее время выдержавшей проверку и у нас нет оснований отказываться от нее. Но, если вынесенное решение отрицательное или, иначе говоря, если следствия оказались фальсифицированными, то фальсификация их фальсифицирует и саму теорию, из которой они были логически выведены».²⁹ Для Поппера логика системы проверок теорий - высший и единственный принцип организации этой системы: «Выведение теории из сингулярных высказываний, «верифицированных опытом» (что бы это ни значило), логически недопустимо. Следовательно, - делает вывод Поппер, - теории никогда эмпирически не верифицируемы».³⁰ Очень примечательно.

• В вопросе соотношения науки и реальности П.Фейерабенд, занимает неортодоксальную позицию³¹. Да, и он призывает к отказу «от той идеи, что теории можно «обосновать» с помощью опыта, и, следовательно,

целесообразно признать, что поскольку теории выходят далеко за пределы фактов, у нас нет средств (может быть только психологических) гарантировать их надежность».³² Но в обосновании этого положения Фейерабенд идет дальше Поппера, привлекая в этих целях принцип историзма, который в значительной мере лишь декларировался многими западными методологами. Фейерабенд «укладывает» его в основу своей методологии: «Именно историко-физиологический характер свидетельства, тот факт, что оно не только описывает некоторое объективное положение дел («физиология» свидетельства - В.Б.), но выражает те или иные субъективные, мифологические и давно забытые мнения относительно этого положения дел («история» свидетельства - В.Б.), заставляет нас принять новый взгляд на методологию. Это показывает также, что чрезвычайно неблагоразумно позволять свидетельствам прямо и безоговорочно судить наши теории».³³

Одним из существенных для настоящей работы является вопрос отношения психического отражения к его вербальному обозначению. Если К.Поппер, Т.Кун и другие маститые методологи, более или менее отчетливо, но единодушно обозначали границу между восприятием (как формой психического отражения) и высказыванием (как формой экспликации этого отражения), причем границу, непреодолимую в рамках и средствами своего анализа, то Фейерабенд по-новому оценивает ситуацию: «Для начала выясним природу общего феномена: чувственный образ плюс высказывание. Существует не два отдельных акта: один - появление феномена, другой - выражение его с помощью

подходящего высказывания, а лишь один: произнесение в определенной ситуации наблюдения высказывания». ³⁴ И в этой слитности «чувства» и «выражения» Фейерабенд видит, вслед за Б.Л. Уорфом, не пассивное отражение действительности. Даже не отражение, детерминированное «теорией», а процесс целенаправленного освоения этой действительности; процесс, включающий все компоненты освоения, вплоть до мировоззренческих: «Их грамматика ³⁵ содержит некоторую космологию, всеобъемлющее воззрение на мир, общество и положение в нем человека, которое оказывает влияние на мышление, поведение и восприятие людей». ³⁶ И поэтому не случайно, что Фейерабенд приходит к выводу, который противоположен тому, к которому приходили другие попперианцы: «В течение некоторого времени я полагал, что концептуальные различия должны всегда сопровождаться различиями в восприятиях, однако отказался от этой идеи. Основание: эта идея не согласуется с результатами психологического исследования». ³⁷ Вывод закономерен потому, что космологичность языка может быть только многоконцептуальной (как «идеальное», представляющее собой всеобщую форму многообразных чувственно данных человеку явлений), а это означает независимость, в конечном итоге, восприятия от отдельных концепций, акцентированных в языке, так как человеческое восприятие формировалось общественно-исторически под влиянием именно космологичности языка. Справедливо и утверждение, что основа лингвистической системы (грамматика каждого языка) есть не только система воспроизведения произносимых мыслей, она скорее

представляет собой формообразующую основу мыслей, программу и руководство для мыслительной активности индивида, для анализа им впечатлений, для синтеза мыслительных схем деятельности, наконец, для *выражения Я*.

Соглашаясь с Фейеребендом, автор диссертации полагает: космологичность языка *заставляет* утверждать, что в нем «закодирован» человек. ³⁸ В развитии эта идея такова: *язык первичнее человека*. ³⁹

•Рассмотренные методологические подходы позволяют искать новые пути решения «проблемы Слова», оставляя возможность пренебречь некоторой эвристичностью, разомкнутостью отдельных звеньев-идей в общей концепции. В связи с этим сейчас важно констатировать следующее. Во-первых, собственно научному пониманию предшествует некое понимание действительности, отличительной чертой которого является игнорирование требования истинности (в смысле эмпирической верификации). Во-вторых, это «первичное» понимание может критиковаться и даже отвергаться в какие-то периоды, но оно не исчезает из человеческого опыта навсегда, как, например, исчезают опровергнутые научные теории, становясь лишь историческим свидетельством развития науки. Предпонимание *вне времени* в том смысле, что существует как реальная способность человека в познании мира.

• Возвращаясь к вопросу: Что же обеспечивает научность теории? - нельзя не коснуться идеи научных революций Т.Куна, точнее, основного понятия *парадигмы*. Вводя термин, заимствованный из грамматики, Кун, естественно, дает ему сравнительное определение:

«В этом стандартном применении парадигма функционирует в качестве разрешения на копирование примеров, каждый из которых может в принципе ее заменить. В науке, с другой стороны, парадигма редко является объектом копирования. Вместо этого, подобно принятому судом решению в рамках общего закона, она представляет собой объект для дальнейшей разработки и конкретизации в новых или более трудных условиях».⁴⁰ Именно в этом, последнем, значении используется понятие «парадигма» в диссертации.

Итак, соглашаясь с Куном, основанием («общим законом») для разработки теоретической концепции личностного в тексте в этой работе служит философская *герменевтика*. Самостоятельной, новой, но производной от герменевтики парадигмой является *психогерменевтика*.^{*}

•• Герменевтическая традиция ориентирована на процедуры толкования текстов, и шире - явлений культуры, на выявление общекультурных контекстов осмысления действительности человеком и специфики познания людьми друг друга, в том числе - носителей культуры прошлого.⁴² Разнохарактерные направления в герменевтике могут быть разделены на две основные группы:

- пантеистически-антропоморфные
- трансцендентно-рационалистические.

В мои задачи, разумеется, не входит обсуждение всех работ, определяющих эти направления. Здесь достаточно будет лаконично оценить методологическую и теоретическую оправданность герменевтического видения проблемы понимания текста.

• Коротко и образно сущность пантеистически-антропоморфной трактовки «понимания» выражена в словах Новалиса: «Мы с миром составляем интегральные половины и потому мы поймем мир, когда поймем самого себя».⁴³ Так, в концепциях *философии жизни* и *персонализме* утверждается, что понимание - это «вновь переживание», сопереживание «тебя» во «мне», интериоризация *чужого* сознания в *сознание Я*.

• Другая тенденция оформляется в работах М.Хайдеггера и Х.Г.Гадамера, согласно которым *понимание*, с точки зрения герменевтики, есть фундаментальный способ бытия человека.⁴⁴ С работ именно этих авторов начинается процесс «экспансии» герменевтики не только в гуманитарные науки (в рамках которых и возникла герменевтика, изначально - как приемы толкования библейских и античных текстов), но и в естественные. Например, для Гадамера герменевтика - это теория опосредованного языком переживания мира, теория, имеющая значение для любой науки и вообще любой человеческой деятельности.⁴⁵

• Идея «герменевтического круга» - одного из основных понятий герменевтики - рекурсивно связывает «понимание» и «объяснение». Но для того, чтобы начался процесс «взаимообращения» необходимо *предположение*, что образуется как личностно-обусловленная традиция, имманентная самому пониманию. Введение этого понятия продиктовано представлением об общественно-исторической детерминированности человеческого понимания: человеческий опыт приобретает смысл только будучи включенным в определенную общественно-историческую традицию. Выход за границы «герменевтического круга», то есть за пределы конкретной

исторической данности, состоит в постижении иной смысловой структуры, в перенесении смысловых связей из другого мира (исторического, личностного) в свой собственный виртуальный мир. Иными словами, герменевтический выход за рамки онтологии *знаемого* (бытия) осуществляется с помощью интерпретации «сказанного бытием», то есть приемами расшифровки *неизреченного в изреченное*.

Во второй главе - Парадигма психогерменевтики - излагаются основы новой научной дисциплины, которую автор диссертации назвал «психогерменевтикой».

• Что такое *психогерменевтика*? Что-то, безусловно, связанное с герменевтикой. А *герменевтика* - это искусство и теория истолкования, имеющего целью выявить смысл текста, исходя из его объективных⁴⁶ и субъективных оснований. Отсюда, психогерменевтика - это *часть* философской герменевтики, которая посвящена анализу *субъективных* оснований истолкования смысла текста. Следует обратить внимание на то, что психогерменевтика призвана к изучению не понимаемого смысла текста, а лишь к изучению субъективных оснований его истолкования. Проблема здесь в том, что субъективные основания смысла (действительные намерения автора, его социально-личностный и психологический статус, манера игры социальной роли) не лежат только в плоскости понимания *содержания* текста, то есть того, что осмысливается воспринимающим этот текст. Субъективные основания потому и называются *субъективными*, что принадлежат исключительно автору и, как правило, не эксплицируются в содержании. Какая-то часть - и достаточно весомая - этих субъек-

тивных оснований даже не осознается самим автором, находясь в области *бессознательного* - большей и наиболее продуктивной части нашего Я. Примером и прекрасной иллюстрацией сказанного могут служить откровения известного писателя, лауреата Нобелевской премии Андре Жида: «Мы всегда говорим больше, нежели только ЭТО.⁴⁷ Меня в моих книгах особенно интересует именно то, что я, сам не подозревая, вложил в них, - та доля бессознательного, которую я мог бы назвать долей Бога.»⁴⁸ Опираясь на эту цитату, следует подчеркнуть, что предметом психогерменевтики является не ЭТО, а именно то, что Андре Жид назвал «долей Бога», или, иначе, то, что мы не осознаем и даже не переживаем, так как «доля Бога» в нас запрятана очень глубоко. Однако это не означает, что *бессознательное* не может быть обнаружено.

• Правомерен вопрос: возможно ли вообще изучать субъективные основания в отрыве от воспринимающего текст субъекта? Разумеется, нет, если изучается *понимание*, так как это - процесс и результат, детерминированный, кроме прочего, двумя факторами: *внутренне-субъективным* (Я-автора) и *внешне-субъективным* (Я-воспринимающего), находящимися в неразрывном единстве. Или коротко, по мнению П.Рикера, нет более вопроса об определении герменевтики через примат субъективности того, кто читает текст. В преодолении этого утверждения и лежат главные основания для разработки новой научной дисциплины - психогерменевтики.⁴⁹

Но здесь необходимы комментарии.

Очевидно, что тот, кто воспринимает какой-либо

текст, имеет право на *свое* понимание этого текста. Но тот, кто *создавал* этот «понимаемый» текст, отнюдь не предполагал именно такое конкретное прочтение (осмысление). Более того: автор, конечно же, «видел» перед собой вообще-Читателя - безликого, бесполого, но желательно здраво воспринимающего и, как часто надеется любой автор, сопереживающего его чувства.⁵⁰ Тогда о каком смысле текста можно говорить? Только о том, который имел в виду сам автор. Но где автор, которого мы могли бы расспросить об истинном смысле уже созданного произведения? Он отсутствует: состоявшийся текст существует вне автора и вне времени создания самого текста. Следовательно, действительный, авторский смысл текста *отчужден* от авторской сущности с ее мотивами созидания именно этого текста. И здесь уместно повторить: о каких же смыслах в таком случае идет речь? Ситуация как будто тупиковая: текст существует, а его смысл утерян. Зачем же нам тогда *такой* текст?

- Автор диссертации находит выход из этого тупика в том, что ставит следующий вопрос: выражает ли⁵¹ что-либо текст, «отлученный» от воспринимающего лица, то есть *никем* не прочитанный текст.⁵² Безусловно, да. И что же он выражает? По крайней мере, две сущности: личностное Я автора и личностный смысл текста. В целом же обе сущности выражают самость⁵³, «всеуровневое» Я автора.

Можно допустить, что *личностное Я* принадлежит только и сугубо автору текста: «только» - потому, что здесь имеется в виду аутентично-индивидуальный текст⁵⁴; «сугубо» - потому, что автор - индивидуум,

то есть субъект, обладающий своим (и только своим) самосознанием, со всеми отделяющими его от других людей особенностями жизнедеятельности, как психическими, так и биологическими. Личностное Я эксплицируется в тексте на уровне неосознаваемых в процессе порождения структур (например, на уровне грамматических структур). Понятно, что в таком случае личностное Я не полностью выражает самость автора. Дополнением личностного Я до самости автора служит личностный смысл текста.

В то же время личностный смысл, хотя, разумеется, и авторское «изобретение», но принадлежит не целиком автору, так как «сотворен» историей.⁵⁵ Но как же отделить «свое» от «чужого»⁵⁶? Ответ тривиален: личностный смысл - принципиально *не-эксплицируем*. Это означает, что личностный смысл только тогда, *возможно*, будет выявлен, когда в его выявлении примет участие сам автор текста. «Возможно» - потому, что уверенности в том, что автор справится с этой задачей, у нас нет. Спросите себя, насколько полно Вы, читатель, выражаете свою мысль даже тогда, когда этого очень желаете, например, в письме другу, или любимой женщине? Если Вы честны, хотя бы перед собой, Вы ответите, что далеко не уверены в том, что сказанное Вами соответствует тому, что Вы хотели сказать.⁵⁷ И это не Ваша беда - это беда *нашего* существования, нашего бытия.

Проблема *непонимания* находит себе иррациональную основу, как об этом говорит «отец» отечественной *психологической герменевтики* А.А.Брудный: «Предполагается, что понимание текстов имеет эзотерическую

основу, и всегда существует круг тех, кому доступен «подлинный смысл» конкретного текста. Массы склонны с доверием относиться к «авторитетным толкованиям», придавая им фактически большее значение, нежели самому содержанию доступных читателю текстов».⁵⁸ Это блестящая формулировка принципа «непонимания» комментариев абсолютно не требует.

Но, повторю, автор уже созданного текста экзистенциально отсутствует, его не существует, он уже не может вмешаться в борьбу толкований своего текста, он уже свободен от тех реализованных потенций, которые воплощены им в его тексте. Следовательно, личностный смысл созданного текста становится смыслом вообще, то есть достоянием понимания и интерпретации других, а значит, толкованием посредством исторически обусловленных значений. Но значения, как было оговорено выше, - производные истории, то есть чего-то постоянно уходящего из авторского Я: значениями овладевают, но их не создают.

Каковы же отношения между личностным Я и личностным смыслом? Эти сущности - *неразделимы*, так как существование Я только и может быть выражено в исторически обусловленном личностном смысле текста. А раз личностный смысл исторически обусловлен, то он унифицирован в своих элементах, но не в их совокупности. Эта совокупность представляет собой как бы «мозаику» из исторически сложившихся значений, целостная картинка которой собирается усилиями личностного Я. И именно эта комбинаторика уникальна.

• Если целостность личностного Я и личностного смысла выражают самость автора и в этом качестве яв-

ляются единственной сущностью текста, то, возможно, мы потеряли *сообщение* текста? Потеряли якобы основную сущность текста - быть сообщением чего-то кому-то, так как, казалось бы, основная функция текста - коммуникативная. Возражу: очевидно, что коммуникативная функция текста утверждается из *цели* коммуникации, а такая цель приписывается тексту *воспринимающим* субъектом. Чтобы автор поставил перед собою такую цель, он должен хотя бы приблизительно представлять себе аудиторию воспринимающих его текст индивидов. Можем ли мы утверждать, что автор такое представление имеет? Нет! Достаточно указать на тексты, которые пишутся «в стол» (М.А.Булгаков, А.Ф.Лосев, М.М.Бахтин и мн.др.). А поэты? Их творчество в принципе безадресно. Тогда, казалось бы, что журналисты, и прежде всего «пиарщики», работают на аудиторию. Но и здесь ответ отрицательный: сейчас уже ни для кого не секрет, что цель тех и других - манипуляция общественным сознанием, то есть в конечном итоге их цель - это *их* цель, часто и далеко не совпадающая с декларированной в той же аудитории целью. И вообще: сообщать кому-то неведомому конкретное что-то - это паранойя, маниакальный бред, отягощенный галлюцинациями неведомого контрагента.⁵⁹ Я убежден, что правы психоаналитики: якобы осознаваемая автором аудитория своего сообщения - это *рационализация* неосознаваемой цели выразить собственное Я.⁶⁰ Окончательно убедить в этом читателя автор диссертации сможет, хотелось бы думать, ссылкой на Ф.М.Достоевского, утверждавшего: «И раз навсегда объявляю: что если я пишу, как бы обращаясь к читателям, то так мне легче

писать. Тут форма, одна пустая форма, читателей же у меня никогда не будет».⁶¹

Наконец, последний и самый весомый аргумент. Признавая, что текст - одна из форм бытия, можно найти единомышленника в лице великого М.Хайдеггера: «Что означает «вопрос о бытии»? Он означает: вопрос о смысле бытия. Хайдеггер уточняет: после «Бытия и времени» на место выражения «смысл» заступает «истина», - так что впредь вопрос о бытии, понимаемый как вопрос об истине бытия, больше не может восприниматься в качестве метафизической проблемы».⁶² Это утверждение убедительно нам говорит о том, что все рассуждения о *смысле* текста являются обсуждением *метафизической* проблемы. Теперь следует говорить не о смысле бытия-текста, а об истине текста-бытия.

Я прихожу к следующей формуле: *Обычно текст не имеет обращения к читателю, следовательно, не имеет ни значений, ни смыслов, а лишь непреодолимое сознанием⁶³ выражение истинной самости Я-автора.*⁶⁴

Почему? Коротко повторю. Во-первых, личностный смысл⁶⁵ безвозвратно утерян для воспринимающего лица в силу отсутствия «здесь и сейчас» автора текста. Во-вторых, то, что мы все же называем *смыслом* текста, есть представления, которыми замещают текст воспринимающие его индивиды, что «многолико» и потому не тождественно личностному смыслу автора.

•И все же, где же выход? В одновременном (или, по крайней мере, параллельном) решении двух личностно-психологических проблем герменевтики.

Первая - проблема понимания текста на основе содержания *осознаваемого* - может решаться в границах

уже обозначившей себя дисциплины: *психологической герменевтики*. Достижениями на этом поприще должны поделиться специалисты, активно изучающие эту проблему.⁶⁶ Вторая - проблема понимания текста на основе содержания *бессознательного* - должна решаться в границах новой научной дисциплины: «психогерменевтики», попытка широкого обсуждения которой осуществлена в этой диссертации.⁶⁷

Почему же мы не до конца понимаем текст? Теперь ответ очевиден: воспринимающий субъект не способен отделить сознаваемое содержание от неосознаваемой духовности текста. Понимание будет исчерпывающим только при усвоении этих двух компонентов текста: вербального (предметного, вещного) и невербального (духовного). Задача психогерменевтики состоит именно в раскрытии для *сознания Я* неосознаваемой изначально ни автором, ни воспринимающим субъектом духовности психологической ткани создаваемого и/или воспринимаемого текста.

• Как осуществляется экспликация неосознаваемого? На основе анализа *неосознаваемых* конструкций текста. Какие конструкции текста не осознаются? Прежде всего грамматические, затем - несколько в меньшей степени - стилистические. Первые не осознаются автором потому, что представляют собой устойчивый автоматизированный *навык* пользования языком; вторые - потому, что служат *основанием* для семантической, то есть осознаваемой, организации сообщения. Итак, грамматика и стилистика - уровни структурной организации любого текста, неосознаваемые автором в процессе речепорождения и воспринимающим в процессе

речевосприятия. В то же время очевидно, что эти структуры сравнительно легко поддаются формализации, то есть эти структуры принципиально *эксплицируемы*. И этот факт выводит на метод анализа.

• Правда, на этом пути также возникает немаловажный вопрос: как быть с *интерпретацией* уже эксплицированных структур? Ответ следующий: интерпретатор включается в процесс взаимодействия с текстом не на уровне его содержания (где присутствуют и «смыслы», и «значения»), а на уровне *формализованных* характеристик, где таковых уже нет. Другими словами, если герменевтический круг и присутствует, то он настолько расширяется (за счет включения в него формализованных структур), что перестает быть методологическим принципом, так как интерпретируется уже *другой* текст, представляющий собой формализованную структуру некоего *пратекста*. Этот пратекст правильнее было бы определять как вербальный массив, *структурированный* автором на уровне бессознательного,⁶⁸ который одновременно отражает личностное и психологическое, или самость Я-в-тексте. Иными словами, текст как сообщение «разрушается», редуцируется до элементов пратекста, до *основания*, представляющего собой отражение бессознательного.

В правильности избранного пути убеждает согласованность с принципом «герменевтического факта»: «Очевидно, что позволить фактам определять его действия является для интерпретатора не каким-то внезапным «смелым» решением, но действительно «первой, постоянной и последней задачей», - цитирует Хайдеггера лидер герменевтики Гадамер и продолжает: «Ведь речь идет о том, чтобы придерживаться фактов

вопреки всем искажающим воздействиям, которые исходят от самого толкователя и сбивают его с верного пути».⁶⁹ А что может быть убедительнее фактов, обнаруженных *без участия* толкователя текста или фактов *бессознательного* участия самого автора в создании текста.

Бессознательность употребления грамматики означает *инвариантность* грамматических структур относительно авторской индивидуальности. И это замечательное свойство было открыто давно.

Третья глава - Метод: экспликация инвариантных структур текста. Принципы, алгоритм и конфигурация процедур анализа. Эта глава посвящена *методу* экспликации грамматических структур текста и связям этих структур со стилистико-психологическими категориями, которые, в свою очередь, описывают личностно-психологический статус автора исследуемого текста.⁷⁰

• Если верно, что замысел индикативен по отношению к авторской индивидуальности, то это связано с инвариантностью конституирующих исходную идею составляющих. Имеется в виду не та форма существования замысла-идеи, которая эксплицирована предметно (вербальный знак-графема, экспрессивные изобразительные средства, технические приемы, материалы), а внутренняя форма идеи, существующая *до* и *вне* экстерриоризации замысла. Эта форма описывается в концептах языковой действительности М.М.Бахтина.⁷¹

Во-первых, это отношение к другому субъекту как к объекту, означающее утверждение в авторской идее такого понимания «чужого Я», которое бы интерпретировало другое сознание как объект познания.

Это отношение может быть названо *объектным*. Классический пример - менторски-воспитательная, обучающая позиция в творчестве Л.Н.Толстого.

Напротив, сопрягающиеся отношения сознаний «чужого Я» с авторским Я, равноценность разных сознаний в авторском Я, может быть названо *субъектным* отношением. Пример здесь - мировоззренческая позиция в творчестве Ф.М.Достоевского.

Во-вторых, это способы передачи, коммуникации идеи. *Монолог* - однонаправленное движение идеи из одной пространственно-временной точки языковой действительности. Диалог - рекуррентное движение идеи, выраженный в двух формах: *интрадиалог* - внутри языкового пространства, и *интердиалог* - выходящий за границы языкового пространства. *Полифония* - разнонаправленное движение идеи из различных, самостоятельных точек языковой действительности.

В-третьих, эта временная развертка событий, составляющих фактуальную основу языковой действительности: *синхрония* - одновременное протекание событий; *диахрония* - последовательность событий.

Приведенные концепты - фактически исчерпывающе сформулированные понятия возможных форм коммуникации замысла *любого* сообщения. Целесообразность введения этих концептов в операциональную структуру метода очевидна: благодаря им можно соотнести предметную форму дискурса и психологический статус автора исследуемого текста.

> Предметные формы *вербального* дискурса весьма разнообразны. В отечественном литературоведении первооткрывателем принципиально нового, объектив-

ного направления в решении вопросов авторства стал замечательный русский ученый Николай Александрович Морозов (1854-1946).²⁷ В основе предложенного Н.А.Морозовым метода лежало убеждение в том, что языковые элементы распределяются в общей структуре текста в определенной пропорции, которая характеризует *индивидуальный* речевой стиль писателя. Причем, не исключительность языкового элемента определяет стиль писателя, но своеобразие в употреблении общих языковых форм, а это может быть объективно установлено только математически. Далее, необходимо учитывать слова, имеющие не только большую частоту употребления, но и принадлежащие различным частям речи. Таким образом, результат анализа текста можно представить в виде графика распределения частоты встречаемости языковых элементов, сгруппированных в тот или иной грамматический класс (например, класс распределения частоты встречаемости предлогов, местоимений). Эти графики-классы Морозов и назвал лингвистическими спектрами. При обработке текстов Морозов отсчитывал (исключая эпиграфы, вводные цитаты посторонних авторов, аббревиатуры и некоторые другие «артефакты» аутентичного текста) первую тысячу слов. Повышение достоверности результатов достигается за счет увеличения числа языковых единиц, входящих в один спектр, и увеличения числа спектров.

Метод Морозова остался бы действующим рабочим инструментом и по сей день, если бы не одно обстоятельство: все показатели этого метода зависят от объема анализируемого текста, а сам автор не определил границу объема, за которой надежность метода

не подлежит сомнению. Дело в том, что показатели частоты употребления отдельных языковых элементов, полученные на текстах, скажем, в сто слов, могут различаться даже у одного автора, а весь метод строится на близости значений этих показателей. И только в достаточно больших текстах - порядка нескольких тысяч слов - показатели частоты стабилизируются и становятся пригодными для сравнения текстов разных авторов. Гораздо позже, в семидесятые годы, вопрос минимума объема текста был решен.⁷³ Но этот минимум - пять тысяч слов - делает практически непригодным метод частотного анализа грамматических форм в текстах небольшого объема (до тысячи слов), а именно с такими текстами чаще всего работают литературоведы, историки, культурологи, криминалисты. Следовательно, необходимо как-то понизить случайный разброс частот в текстах небольшого объема.

- Давно было замечено, что человек в своих субъективно-оценочных, интуитивных, казалось бы, приблизительных суждениях о каких-либо физических параметрах окружающего мира дает оценки, весьма *близкие* к действительным.⁷⁴ Так, например, зрительно воспринимаемая какой-либо предмет на разной удаленности от глаз, человек всегда правильно определяет его размер, хотя проекция предмета на сетчатку глаза и будет меняться. За этим лежит (в числе других причин) знание и опыт взаимодействия человека с этим предметом. Те же явления наблюдаются и в сфере речевой деятельности.⁷⁵ Любому человеку с достаточно хорошо сформированным речевым навыком не составит труда уже по нескольким предложениям представить «языковой образ»

автора воспринимаемого текста. Тогда для разработки метода экспликации инвариантных структур в текстах небольшого объема целесообразно использовать психологический механизм *константности* восприятия речевого сообщения. Это заключение послужило отправной точкой в разработке *алгоритма* метода экспликации категории *Я-в-тексте*.

- В эксперименте⁷⁶, используя метод экспертных оценок, грамматические характеристики текста⁷⁷ замещаются их *субъективными* образами. Например, вариативность длины предложений, что отражает некоторые признаки грамматических конструкций, оценивается шкалами типа «лаконичный-многословный», «короткий-длинный», «большой-маленький» и т.п.⁷⁸ Используя эту модель удастся достичь инвариантности речевых характеристик в текстах объемом 200-300 слов.

Однако, поиск непосредственной связи между субъективными образами характеристик речи и психологическими характеристиками автора - исключается, так как эти связи неинтерпретируемы, а их поиск - бесконечен. Тогда и вводятся концепты языковой действительности М.М.Бахтина, связь которых с грамматическими характеристиками речи уже вполне интерпретируема.⁷⁹ На основе эксперимента с экспертными оценками и последующего совместного многомерного анализа строится *математическая модель, связывающая количественные грамматические характеристики - посредством их субъективных образов - с экспертными оценками форм коммуникации.*

- Связь форм коммуникации замысла с психологическими характеристиками автора также вполне

интерпретируема.⁸⁰ На основе эмпирико-психологического исследования авторов и последующего совместного многомерного анализа строится *математическая модель, связывающая значения форм коммуникации с реальными психологическими особенностями авторов.*^{*1}

• Как следует из описания процедур разработки метода, математические модели, поддерживающие экономический аспект исследования, должны программироваться. На этом - завершающем этапе разработки метода мне оказали неоценимую помощь программисты А.С.Чистопольский, А.А.Косолапов и В.А.Варнава, которым я выражаю искреннюю и горячую благодарность.

Математическая модель метода содержит:

- Программу измерения значений формализованных грамматических характеристик исследуемого текста.
- Программу перевода значений грамматических характеристик в значения их субъективных образов.
- Базу количественных форм коммуникации замысла.
- Программу перевода значений образов грамматических характеристик в формы коммуникации замысла.
- Базу количественных психологических параметров.
- Программу перевода значений форм коммуникации в значения психологических характеристик автора.

На всех экспериментальных этапах разработки метода обеспечивалась репрезентативность выборки⁸² и оценивалась достоверность результата.⁸³

АЛГОРИТМ РАЗРАБОТКИ МЕТОДА

1. Исходный тезис

Индивидуальные речевые особенности человека *инвариантны*, что обусловлено психогенетической стабильностью его личностного статуса.

2. Основная проблема

Инвариантность речевых особенностей может быть обнаружена статистически лишь на текстовом массиве, составляющем не менее 5000 слов, что *непригодно* для большинства прикладных задач культурологии.⁸⁴

3. Решение проблемы

Используется механизм *константности* восприятия речевого высказывания. В эксперименте с носителями русского языка было предложено субъективно оценить ряд текстов. Измеряемые характеристики грамматики текстов замещались их субъективными образами. Выраженность субъективного образа оценивалась с помощью антонимических шкал «семантического дифференциала». Используя эту модель удалось стабилизировать вариативность грамматических характеристик в текстах объемом 200-300 слов. Ошибка не превышала 10%.⁸⁵

4. Разработка метода

4.1. Поиск непосредственной связи между субъективными образами формальных характеристик речи и психологическими характеристиками автора - *исключается*, так как эти связи неинтерпретируемы, а их поиск - бесконечен (как бесконечна комбинаторика связей тех и других).⁸⁶

4.2. Вводятся концепты форм *коммуникации* текста, предложенные М.М.Бахтиным: монолог, диалог, полифония и пр., - связь которых с субъективными образами формальных характеристик текста уже вполне интерпретируема.⁸⁷ На основе эксперимента и последующего многомерного анализа строится математическая модель в виде системы множественных линейных регрессий, которая связывает уже реальные значения формальных характеристики речи с их субъективными образами и далее - с формами коммуникации замысла текста.

4.3. Связь форм коммуникации текста с психологическими характеристиками автора также интерпретируема.⁸⁸ На основе эксперимента и последующего многомерного анализа строится аналогичная первой математическая модель, связывающая формы коммуникации с психологическими особенностями автора текста.⁸⁹

4.4. Завершающим этапом стала разработка общей модели, связывающей три звена: формальные характеристики текста, представленные субъективными образами; формы коммуникации замысла; психологические характеристики автора.

На всех экспериментальных этапах разработки метода обеспечивалась репрезентативность выборки и оценивалась достоверность результата,⁹⁰ который показал не менее 80% правильных заключений.

5. Итог

Окончательная эмпирическая модель трехзвенна: формальные характеристики текста - формы коммуникации замысла - психологические характеристики автора. Метод реализован в виде компьютерной программы, известной в литературе как «Лингва-экспресс».

6. Блок-структура Программы ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС

- Анализатор-кодификатор грамматических характеристик исследуемого текста.
- Базы данных лексики, форм коммуникации замысла, психологических характеристик (70 единиц).
- Текстовый редактор (на русском языке).
- Оператор обращения к Базе данных форм коммуникации текста.
- Оператор обращения к Базе данных психологических характеристик.
- Оператор перевода частоты встречаемости кодированных формальных характеристик в значения выраженности форм коммуникации исследуемого текста.
- Оператор связи форм коммуникации текста со значениями психологических характеристик автора.
- Диспетчер управления операторами и шкалой отсчета измеряемых параметров.
- Диспетчер перехода на многотекстовый анализ.
- Текстовый, табличный и графический синтезатор заключений и соответствующий им интерфейс.

В конце главы еще раз утверждается и аргументируется положение о том, что на *одном* эмпирическом базисе может быть построено *множество* различных теоретических и методических конструкций.

Четвертая глава - Пространство интерпретации личностного в тексте - открывает **Часть II. Прикладная психогерменевтика**. В этой главе рассматривается *личностное* как некое образование в «пространстве» психики человека.⁹¹ С какой целью? С целью более строгого определения *бытийной сущности текста*: а) текст «здесь и сейчас»; б) текст, развернутый во времени; в) текст,

как отношение Я к Я-чужому.

Обсуждение иллюстрируется примерами эмпирического исследования текстов культурно-исторического характера.

•• Мы живем в том мире, который имеем, который нам задан. Этот мир в каждый момент нашего переживания - одномерен. *Психологически* мы живем только «здесь и сейчас». «Сиюминутный» человек - человек без прошлого и будущего. Но он все же остается *человеком*, со всеми плюсами и минусами его личностного содержания, он - *индивидуальность*.

В ракурсе геометрии физического мира, существование *психического Я* необъяснимо, разве только теологически или метафизически. Действительно, если мы ощущаем себя, свое тело, мыслим, совершаем свои поступки, общаемся с другими людьми только в данное мгновение, и у нас нет возможности физически находиться в прошлом и будущем, то какие у нас могут быть объяснения нашей роли и значения в прошлом и будущем?²² И все же нельзя игнорировать факт того, что человек *существует*. И этот факт вынуждает нас начать исследование личностного с *остановки* мгновения действительного существования человека.

Когда мы говорим о человеке, присутствующем «здесь и сейчас», то мы как бы «отрубаем» его прошлое и будущее. Этому *методологическому* принципу следуют *все* диагностические системы оценки состояния человека.²³ Сиюминутный портрет: фотографический, изобразительный, акустический, биологический, физиологический, психологический, личностный - лишь проекция соответствующей формы представления человека на одномерное пространство его существования.

Материалом для экспликации личностного в тексте как проекции на одномерное пространство существования человека служит сам текст и любой его фрагмент, созданный в данное время и в данном месте.

• Пример²⁴, иллюстрирующий «одномерность» анализа и интерпретации личностного в тексте, приведен в параграфе 1: Психологический портрет личности. Тема: Иисус Христос - революционер? Материал: Нагорная проповедь из Евангелия от Матфея.

Заветы Иисуса Христа нам даны в пересказе евангелистов. И даже самая полная Нагорная Проповедь представлена в изложении его ученика и последователя - Матфея. Естественно возникает вопрос атрибуции - аутентичности речи Иисуса в Евангелии от Матфея. Решение его - в сравнении текста Нагорной Проповеди, приписываемой Иисусу, с текстом, заведомо принадлежащим Матфею. Последним здесь послужил отрывок из Евангелия от Матфея (Глава 9, стихи с 9 по 35) с купюрами «прямой» речи Иисуса Христа.

Далее, необходимо определить, что же означает *революционность* с психологической точки зрения. Здесь допускается, что необходимым и достаточным был бы такой результат, который одновременно с оценкой сравнения Нагорной Проповеди с аутентичным текстом Матфея показал бы признак *девиантности* в личностном компоненте текста Нагорной проповеди при отсутствии его в аутентичном тексте Матфея.

Сравнительный анализ названных текстов на основе одноименных характеристик показал, что эти тексты достоверно *близки* между собой. Иного результата трудно было ожидать: если даже не сам евангелист Матфей «сгладил» индивидуальные особенности речи Иисуса, то это вполне могли сделать многочисленные перепис-

чки и переводчики Нового Завета.⁹⁵

Этот результат приведен на рисунке 1, где по оси X расположены номера одноименных личностных характеристик, по оси Y - их выраженность.

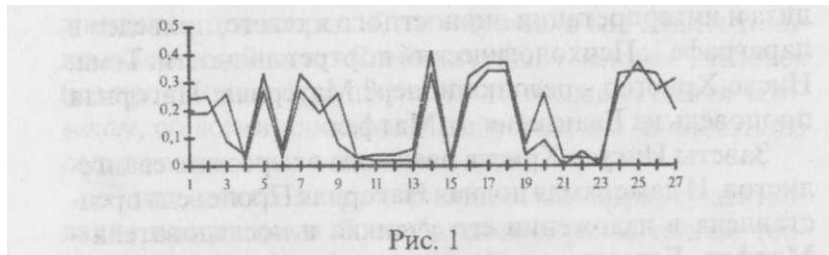

Рис. 1

Но близость не означает тождественность. В данном случае психологическая ткань Нагорной Проповеди содержит качественные признаки девиантного поведения, отсутствующие в текстах самого Матфея.⁹⁶

Ответ на главный вопрос исследования - Был ли Иисус Христос революционером? - следующий:

Действительным автором Нагорной Проповеди и, следовательно, действительным революционером является евангелист Матфей. Иисус Христос - герой Нагорной Проповеди, созданный автором. Но величие этого героя таково, что он обусловил проявление девиантных личностных особенностей автора, до того находившихся в латентном состоянии.

О прототипе автора Нагорной Проповеди, или реальности Иисуса Христа, в контексте данного исследования можно сказать словами гениального Борхеса: Историческая истина не то, что произошло, она то, что, как мы полагаем, произошло.

Одномерность - это наша повседневная жизнь:

мы ощущаем себя как вещь, только в быстротекущем мгновении. Но человек, конечно, больше, нежели «точка» в одномерном пространстве. Мы живем во времени. Поэтому человек не может не обладать устойчивыми качествами, к числу которых относятся и личностно-психологические характеристики. Устойчивость признаков определяет психологический тип личности, то есть принадлежность к определенной группе людей, обладающих подобными свойствами. Следовательно, необходим временно-протяженный анализ личностного статуса.⁹⁷ На языке «пространства психики» это означает помещение наблюдаемых фактов в двухмерное пространство, где по одной оси отложены изучаемые состояния, а по другой время их анализа.

Материалом «двухмерного» исследования личностного в тексте служат различные тексты одного автора или фрагменты одного текста.

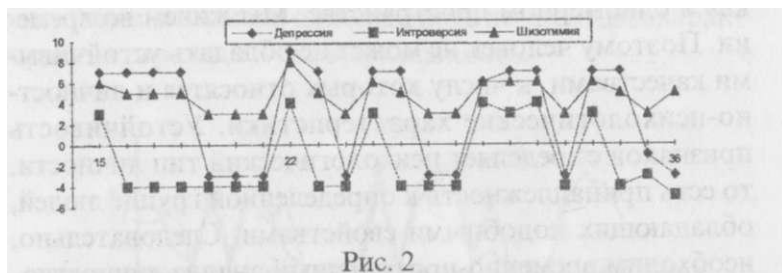
•Примером может служить исследование, изложенное в параграфе 2: Психологический тип личности. Тема: А.С.Пушкин: циклоидность характера и холизм творчества. Материал: Лирические стихотворения за период 1816г. по 1836г.

Ставятся два вопроса, наиболее различимые в мрачном калейдоскопе событий сегодняшнего мира.

Первый. Можно ли привести эмпирическое обоснование широко распространенному мнению о крайней изменчивости настроения и поведения А.С.Пушкина?

Второй. Есть ли основания предполагать, что конец человеческого существования окрашен в какие-то иные психологические тона, нежели психологическая палитра предшествующего периода его жизни?⁹⁸

Положительный ответ на первый вопрос убедительно демонстрирует рисунок 2.

Здесь приведены некоторые важные психологические компоненты личностного уклада А.С.Пушкина, развернутые за весь творческий период его художественно-литературной деятельности. Отчетливо видно, что колебания изучаемых параметров синхронизированы во времени, а это свидетельствует о «монолитной» прочности, целостной устойчивости *циклотимического статуса А.С.Пушкина на протяжении всей его жизни.*

Вопрос же «иноного» психического состояния на границе жизни и смерти человека только намечен к разрешению. Но можно утверждать, что незадолго до своей трагической гибели поэт находился в состоянии, которое способствовало роковому поступку, о чем свидетельствует обнаруженный факт необычного совпадения во времени таких разных, но глубоких аномалий психики, как психастения и психопатия.¹⁰⁰

• Человек познается через общение с другими людьми (Сократ, Маркс). Поэтому культурологический анализ личности будет не полным, если оставить без внимания проекцию психологических черт Я на Я-чужое.¹⁰¹ На языке «пространства психики» - это анализ

в трехмерном пространстве, два измерения которого мы рассмотрели выше, третье - проекция одноименных характеристик личностного уклада исследуемого лица на личностный уклад Я-чужого.

• Пример такого исследования приводится в параграфе 3: Межличностные отношения. Тема: Вожди. Психогерменевтика отношения И.Сталина к А.Гитлеру. Материал: Аутентичные тексты И.Сталина (1927 г. из ПСС) и А.Гитлера (1924 г. из Main Kampf)-

В этой работе отношение Сталина к Гитлеру определяется как проекция личностно-психологического статуса Гитлера на аналогичный статус Сталина.¹⁰² В результате мы получаем образование, аналога которому вообще не существует даже в теории. Естественно, возникает вопрос: что отражает полученный в результате такой проекции личностный статус?¹⁰³

Общие свойства этого образования следующие:

• Статус, полученный в результате проекции одного личностного уклада на другой, представляет собой виртуальное образование,¹⁰⁴ или виртуальный образ.

• Виртуальный образ служит как бы буфером, или промежуточным звеном в процессе отношения между рассматриваемыми субъектами.¹⁰⁵

• Личностно-психологическое содержание (палитра характеристик) виртуального образа отличается от аналогичных палитр соотносимых статусов.¹⁰⁶

В таблице 1 приведена палитра психологических характеристик,¹⁰⁷ описывающих виртуальный образ психологического отношения Сталина к Гитлеру.¹⁰⁸ «Бедность» палитры здесь интерпретируется как недостаточность информации у Сталина о личности Гитлера.¹⁰⁹

Оценка

Таблица /

КАК СТАЛИН ОЦЕНИВАЕТ ГИТЛЕРА	
ХАРАКТЕРИСТИКА	ВЕС
ИНФАНТИЛЕН	0.17
ЭКСТРАВАГАНТЕН	0.14
ОРИГИНАЛЕН	0.14
НЕВРОТИК	0.14
ЭМОЦИОНАЛЕН	0.06
ДИСЦИПЛИНИРОВАН	0.06
ЭКСТРАВЕРТИРОВАН	0.05
ОСТОРОЖЕН	0.05
ПАТРИОТИЧЕН	0.04
АРТИСТИЧЕН	0.04
БЕСПОКОЕН	0.04
ИСТЕРОИД	0.03
АСТЕНИЧЕН	0.03
ТРЕВОЖЕН	0.03

Интерпретация

К первой группе следует отнести первые по весу пять характеристик: *инфантилен, экстравагантен, оригинален, невротик, эмоционален*, - которые отражают самолюбие персонажа, эпатажность и импульсивность его поступков и действий. Эту группу характеристик можно было бы отнести к негативному полюсу характера Гитлера.

Ко второй группе относятся три следующие характеристики: *дисциплинирован, экстравертирован и осторожен*, - которые указывают на присутствие в характере Гитлера каких-то внутренних механизмов, сдержи-

вающих или блокирующих безоглядность его действий, их импульсивность и непредсказуемость. Эту группу характеристик, по-видимому, целесообразно отнести к положительному полюсу характера Гитлера.

Оценивая одновременное присутствие этих групп характеристик в психологической палитре Гитлера, можно сделать вывод о достаточной сбалансированности, уравновешенности полярных черт характера.

Третья группа содержит малосвязанные между собой, но весьма колоритные характеристики: *патриотичен, артистичен, беспокоен, истероид, астеничен и тревожен*, - служащие, скорее, приметам внешнего поведения, нежели чертами характера. Действительное наличие этих характеристик в характере Гитлера подтверждается гораздо более поздними наблюдениями, которые были доступны всем людям планеты.

Так, наверное, искренняя в юности *патриотичность* Гитлера превратилась в яркий национализм, откровенный расизм и безудержный шовинизм.

Далее, аудио и видеохроника публичных выступлений фюрера доказывает достоверность наблюдаемых в исследовании почти клоунского *артистизма* и *истеричность* личности.¹¹⁰ А *беспокойство* и *тревога*, кажется, не покидали диктатора никогда.¹¹¹

Наконец, subtilность телосложения Гитлера - внешний признак *астеничности*. Особенно это стало заметно в последние дни его жизни.

Итак, с точки зрения Сталина лаконичная формула его отношению к Гитлеру может быть представлена следующим образом: *Гитлер - большой ребенок, капризный и самоуверенный, который хочет и может учиться жить в этом мире, но потенциально опасен.*

Пятая глава - Акцентуации - это выявлению новых и интерпретация уже известных фактов. Основной вопрос: Что мы есть в том - что мы говорим?

•Здесь обсуждается в параграфе 1: Индивидуальность. Тема: Путин В., Панфилова Э., Зюганов Г., Скуратов Ю. Материал: аутентичные тексты кандидатов 2000 г. на пост Президента России.

Субъектами исследования стали яркие личности на политической арене России XX века. В таблице 2 приведен только один пример¹¹² - Путин В.¹¹³

Оценка

Таблица 2

ХАРАКТЕРИСТИКИ	ВЕС
НОВАТОР	0.64
РАСТЕРЯН	0.63
РЕФЛЕКСИВЕН	0.63
ЭПАТАЖЕН	0.57
ПРОДУКТИВЕН	0.57
АУТИЧЕН	0.56
ЭКСТРАВАГАНТЕН	0.55
ОРИГИНАЛЕН	0.54
ШИЗОТИМИЧЕН	0.54
АМБИВАЛЕНТЕН	0.37
ЗАМКНУТ	0.35
РАНИМ	0.34
БЛОКИРОВАН	0.33
ЭТНОЦЕНТРИЧЕН	0.33
ЗАСТЕНЧИВ	0.33
ОСТОРОЖЕН	0.31
ФАНАТИЧЕН	0.19

АКТИВЕН	0 17
ПСИХОПАТИЧЕН	0 17
АСОЦИАЛЕН	0 15
ИНТРОВЕРТИРОВАН	0 12
ИГРОК	0 11
РЕШИТЕЛЕН	0 09
ЗАБЫВЧИВ	0 09
НЕОСТОРОЖЕН	0 09
МАСКУЛИНИЗИРОВАН	0.05

Интерпретация

В.П. сбалансированный (синтонный) относительно установок своей деятельности психологический тип. Это характерно для развивающейся личности, еще не вполне отягощенной печальным или радостным опытом жизни, но уже не обремененной максимализмом молодости. Интеллектуальные процессы подчинены «захвату» чужих идей, их дальнейшему присвоению и владению ими как своими собственными. Разносторонность воспринимаемых идей все же допускает предположение, что В.П., в основном, - творец гуманитарного плана. Периоды смены настроения неглубоки и быстротечны, уверен в себе, малотревожен, но несколько сентиментален, с немного завышенной самооценкой. Заметная черта - целеустремленность. Однако, уже *намечаются* некоторые черты не вполне тривиальной личности.

Так, В.П. обнаруживает явную тенденцию к интровертированности жизненной позиции, что характерно для большинства *видных* российских политиков XX века. В этом - одна из черт «загадочности» русской

души: тогда как для европейского мира политик - деятель, который по определению ориентируется на запросы общества (экстраверт), у нас политик - «самодержавный» лидер, который якобы лучше всех знает, куда следует идти, а потому ориентируется на *собственные* критерии (интроверт). Другими словами, российский политик не слуга народа, а его властелин.

В.П. бесспорно обнаруживает способности к неординарному, нетипичному мышлению. Но здесь необходимо иметь в виду, что это - не парадоксальность или фантастичность идей, а практическая смекалка в отыскании многочисленных вариантов требуемого решения, каждый из которых может быть и прост, и очевиден, но в «пакете» они могут вызвать восхищение своей непредсказуемой ... обыденностью. Притом, что В.П. новатор, от него не следует ожидать разрушительных реформ «Горбачевско-Ельцинского» духа. Он весьма осторожен в действиях, причем эта осторожность, что весьма нечасто наблюдается, становится все более заметной с увеличением расстояния от индивидуальных потребностей до мотивов общественной деятельности.

В.П. хорошо держит «маску», или добровольно принятый имидж общественного деятеля. Обнаруживая черты артистизма (несмотря на кажущуюся скупость выразительных средств), В.П. обещает играть далеко не одну социальную роль (сейчас играет роль сильного лидера с явно выраженными «мужскими» качествами). Кстати, черты истероидной артистичности способствуют успешной блокировке и/или маскировке «негативных» черт: запредельному новаторству, нонконформизму, агрессивности, импульсивности.

Не очень лаконичен ответ на вопрос об отношении

В.П. к законопослушанию. С одной стороны, В.П. показывает явный социальный нонконформизм, что характерно для реформаторов. Не часто, но бывает не совсем осторожен в действиях. С другой стороны, у В.П. очень сильны сдерживающие девиантное поведение психологические механизмы, заставляющие его удерживаться в границах общепринятого. Так, ему приходится прилагать весьма ощутимые усилия для маскировки «странных» идей или же подавления чувства ранимости. Какая из сторон окажется победительницей зависит от действующих правил, которые при наличии необходимости (например, экстремальной ситуации) и возможности (например, власти) могут быть изменены. Но главное - решение принимается не импульсивно, но продуманно и с прогнозом последствий.

В.П. находится в приличной физической форме, во всяком случае такой, которая не очень заметно отражается на эффективности исполнения принятых на себя функций.

- В параграфе 2: Группы. Тема: Пассионарии России XX века. Материал: Аутентичные тексты выборки пассионариев России XX века - излагается результат исследования одновременно *множества* текстов. В той части исследования, которая излагается здесь, пассионарии представляли следующие субкультуры российского общества.¹¹⁴

Большевики - В.И. Ленин и его ближайшие соратники.

Литераторы - выдающиеся поэты и прозаики России XX века.

Предприниматели - крупные бизнесмены России пос-

ле августа 1991 года.

Коммунисты - эпигоны большевистской идеи, начиная с Н.С.Хрущева.

Артисты - кумиры массовой культуры: театр, кино, эстрада.

Демократы - политики Новой России демократического и либерального толка, начиная с Б.Н.Ельцина.

О чем же говорят результаты исследования?¹¹⁵

Во-первых, большевики-основатели явно *превосходят* все другие исследованные здесь субкультурные страты по личностно-психологическому имиджу общественного лидера. Это означает, что «ленинцы» не только имели фанатическую поддержку широких масс, не только были действительными созидателями¹¹⁶, но были и прекрасными пропагандистами своей идеологии.

Во-вторых, коммунисты-эпигоны должны быть отнесены к лидерам, но это лидерство опирается *только* на идеологию. «Ура-патриотизм» коммунистов держится на словах, лозунгах, призывах. И становится понятным, почему занавес сцены, где разыгрывалась трагедия «Коммунизм к 80-му году», так быстро обрушился на головы вечно бедных россиян.

В-третьих, подтверждается мнение о том, что сегодняшние предприниматели - лидеры *созидания*, но идеологически не отягощены. Необычность состоит в том, что этот тип гражданина Новой России оказывается *психологически* тесно связанным с большевиками и литераторами. Первое обещает быстрое и агрессивное внедрение в *политическую* сферу,¹¹⁷ второе - продуктивную деятельность на *нравственном* фронте. Учитывая то и другое, следует сделать вывод: Россия обещает вер-

нуться в клан великих держав.

В-четвертых, литераторы, как и предприниматели, - лидеры *созидания*. Хотя продукт их труда неосязаем, «инженеры человеческих душ» гораздо более продуктивны, нежели идеологи-коммунисты.

В-пятых, весьма неожиданный, но очень любопытный результат показали демократы: они присутствуют только в общей массе пассионариев. То есть нынешние демократы во всей своей совокупности - лишь отдельный голос в «хоре» всех пассионариев России. Это означает: они что-то делают и, наверное, полезное для общества, но природу этого «что-то», к сожалению, обнаружить не удалось. В этом отношении демократы психологически тождественны артистам, чья общественная безликость, правда, вполне объяснима¹¹⁸: артисты, прежде всего, - стимуляторы эмоционального тонуса, «повелители» настроения. Приходится сделать вывод о том, что демократы пока только «играют» и в идеологию, и в созидание, а в действительности не готовы ни к тому, ни к другому.

•Параграф 3: Девиантность. Тема: Агрессивность и деструктивность. Материал: Стихотворения В.Высоцкого за период 1961 г. по 1980 г. - посвящен психогерменевтике творчества народного кумира второй половины прошлого века, Владимира Семеновича Высоцкого.

На рисунке 3 приводится общий результат исследования, отражающий структуру личностного статуса Высоцкого.

Нельзя не обратить внимание на два факта: *агрессия* - далеко не главный фактор в словесном творчестве

Высоцкого¹¹⁹; *деструктивность* (здесь: себя-уничтожение, саморазрушение) порогово приближается к стремлению самосохранения.

Рис. 3

Исследование показало, что Высоцкий выразил агрессивность как:

- *Девиантность*, граничащую, но не переходящую в делинквентность.
- Правопослушную *асоциальность*¹²⁰.
- *Раскованность*, переходящую в бунтарство, но не достигающую делинквентности.
- *Деадаптированность*: возможность межличностных, в частности, семейных осложнений.
- *Параноидность*, которая выражена подозрительностью¹²¹ и «мягкой» фобией.
- *Маниакальность* - продуктивная целеустремленность к какой-то одной «сверхценной» идее.

Был ли Высоцкий уникальной личностью в плане саморазрушения? Ответ утвердительный: Высоцкий продемонстрировал хрестоматийность отношения са-

мосохранения к саморазрушению, избрав для поддержания этого отношения весьма «крутые» способы существования,¹²² значительно сократившие ему срок пребывания в этом по мнению Вальтера - «лучшем из миров».

•К девиантному поведению относится и суицид, которому посвящен параграф 4: Суицид. Тема: С.Есенин и В.Маяковский: психогерменевтика последних текстов. Материал: Предсмертные тексты великих поэтов России XX века.

Очевидцев самоубийства, как правило, не бывает. Возможно, поэтому столь трагически-необратимый поступок человека так плохо изучен психологически.

Краткие выводы исследования:

1. Суицид - элемент культуры, необходимо включенный в процессы ее возникновения, развития и функционирования. Как элемент функционирования культуры, суицид несет индикативную функцию, обращая внимание современников на «неполадки» в текущей эпохе.

2. Акт самоубийства - одновременно интеллектуальный и эмоциональный поступок, погруженный в депрессивное состояние, когда энергия мыслительного акта превышает энергию мотива самосохранения.

3. Психологический процесс, ведущий к самоубийству, - это постепенное, но необратимое замыкание границ Я, когда гетероагрессия превращается в аутоагрессию. Провоцирующим фактором служит внешнее воздействие, преодоление которого - в целостности личности.

•В параграфе 5: Толерантность. Тема: Русская диаспора и коренное население. Материал: Русские в Лит-

ве, Татарстане и Бурятии по материалам местной прессы, - рассматривается вопрос о взаимоотношениях между русскими, живущими за пределами России, и местным населением. Приоритеты выборки: направление *запад-восток*, религия - *католицизм-ислам-буддизм*.

Один из самых унижительных для нашего народа фактов - наплевательское отношение к своим соплеменникам, оставшихся в бывших губерниях «великой и неделимой».

Каковы же *действительные* отношения между русской диаспорой и аборигенами?

Русские в Литве отдают *лидерство* коренным жителям, и это понятно: командные посты от политики до бизнеса, в основном, занимают легальные граждане суверенной Литвы. Русские поселенцы отдают приоритет аборигенам также и в *общительности*. И это тоже объяснимо: незнание литовского языка лишает «русских литовцев» возможности общаться на равных с коренным населением, но в то же время, аборигены в значительной своей части владеют русским языком, что, естественно, значительно расширяет для них границы межличностного контакта.

Во-вторых. Очень заметны различия во взаимоотношениях между поселенцами в Татарстане и коренными жителями: «русские татары» значительно более благосклонны к исконным жителям, нежели аборигены к поселенцам. Портреты, которые «рисуют» те и другие похожи с точностью «до наоборот». И это примечательно, ибо Татарстан в начале перестройки являлся фактическим лидером в неумном стремлении к абсолютной самостоятельности, то есть стал первым могильщиком конгломерата «дружной семьи народов».

В-третьих. Буферное положение занимает Бурятия. Достаточно равные и ровные отношения между поселенцами и аборигенами характеризуются менее выраженной негативностью, чем в Литве. В сравнение же с Татарстаном весьма заметен некоторый пиетет перед русскими поселенцами.

В **Заключении** подводится итог проделанной работы, где кратко изложены основные результаты теоретического и прикладного исследования, а также намечается перспектива развития теории и обозначается диапазон возможного применения метода в культурологии и смежных областях гуманитарных наук.

В **Приложении** представлен *словарь* терминов, которыми обозначены личностно-психологические характеристики в Базе программы Лингва-Экспресс, а также пример исследования личностного фактора в *рисунке* А.С.Пушкина.

Примечания

¹ В то время как слова: «знание», «понимание», «осознание» и подобные им, - несут как бы *оттенки* объективного восприятия действительности.

² И все же, иногда, я буду касаться расширенного понимания *личности*.

³ Например, историко-художественный объект - памятники архитектуры, искусственные ландшафты, произведения изобразительного и словесного творчества.

⁴ В основном - это сценические постановки.

⁵ Хорошо известно, что есть определенные различия между личностью *творца* и тем же *человеком-обывателем*. Это - один из основных мотивов данной работы.

⁶ Пушкин А.С. ПСС в 10 т. - М.-Л.: АН СССР, 1949, т. 10, с. 191.

⁷ Забытая, к сожалению, отрасль психиатрии, цель которой -

изучение гениальности и одаренности в связи с нарушениями в психике.

⁸ Хотя не следует забывать слова Г.Флобера: «Мадам Бовари - это я».

⁹ Проблемы анонимности, псевдонимности и фальсификации документов.

¹⁰ Отсчет эпохи цивилизации и культуры человека начался с возникновения письменности, с открытием возможности сохранения сказанного, то есть с появления первого *текста*.

¹¹ Речь в данный момент не идет о сознательной лжи.

¹² Та же причина, но с обратным результатом, лежала в основе того, что некоторые из «узбекских» дел 80-х гг. были прекращены: обвиняемые просто отказывались от ранее сделанных признаний, ссылаясь на факт принуждения со стороны следствия.

¹³ В конце 60-х - начале 70-х гг. похожие проблемы успешно решались в Институте ВНД АН СССР группой исследователей во главе с П.В.Симоновым: частотный анализ речи отражал колебания эмоционального состояния, в том числе, и в обстоятельствах лжесвидетельства. Те же специалисты успешно применяли свой метод и для оценки экспрессивности игры актеров («Не верю!») в театре «Современник» (тогда руководимым О.Ефремовым).

¹⁴ Правда, здесь пока «личностное» определяется только через «эмоциональное».

¹⁵ Возможно, что власть и Новой России еще не до конца освободилась от идеологического наследия строителей «светлого будущего»?

¹⁶ Это не исключает, что и *ложь* может быть следствием мотива самосохранения.

¹⁷ Специальной тренировкой можно добиться регулирования своих эмоций и, тем самым, как бы обмануть лай-детектор. А индийские йоги вообще без труда регулируют свою вегетатику.

¹⁸ Сквозь текст мы смотрим на *автора*, а сквозь автора на уже *новый текст*.

¹⁹ Сочетание «вербальные» и «тексты» не тавтология, *понятие «текст»* распространяется на сообщение любой формы, что

проиллюстрировано в Приложении.

²⁰ При решении вопроса атрибуции это требование, понятно, снимается.

²¹ Для контент-анализа требуется нескольких тысяч языковых единиц.

²² Это объясняет то, повторю, что настоящая работа лежит несколько в иной плоскости, нежели философская герменевтика.

²³ От В.И.Ленина (10-е гг.) до Б.Н.Ельцина (90-е гг.).

²⁴ Экспликация «личностного» в *соавторском* тексте здесь не рассматривается.

²⁵ Здесь: расщепление текста на элементы, употребление которых неосознанно.

²⁶ В данной работе «экономический», следуя традиции психоанализа, означает «количественный» - *измерение* исследуемых явлений.

²⁷ Садовский В.Н. Логико-методологическая концепция Карла Поппера. - В кн. К.Поппер. Логика и рост научного знания. М., 1983, с. 10.

²⁸ Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983, с. 63.

²⁹ Там же, с. 54.

³⁰ Там же, с. 62.

³¹ Следуя традиции «новой школы», каждый из представителей находит свои источники. В частности, Фейерабенд опирается на Д. Юма, заявляя, что согласно мнению Д. Юма, теории не могут быть выведены из фактов.

³² Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986, с. 75.

³³ Там же, с. 200.

³⁴ Там же, с. 205.

³⁵ Грамматика языков и схем реакций, содержащихся в этих языках.

³⁶ Фейерабенд П. Указ. соч., с. 372.

³⁷ Там же, с. 502.

³⁸ Как следствие того, что человек - элемент космоса.

³⁹ Впрочем, это к основной теме диссертации не имеет прямого отношения.

⁴⁰ Кун Т. Структура научных революций. М., 1975, с. 42.

⁴¹ Парадигма психогерменевтики («решение суда» - по Куну) изложена во второй главе диссертации.

⁴² Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Проблема понимания в философии. М., 1985.

⁴³ Там же, с. 28.

⁴⁴ Не все ученые считают, однако, Хайдеггера истинным герменевтиком.

⁴⁵ Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Указ. соч., с. 29.

⁴⁶ Значения слов и их исторически обусловленные вариации.

⁴⁷ Выделено автором цитаты.

⁴⁸ Андре Жид. Яства земные. Избранная проза. - М., Вагриус, 2000, с. 95.

⁴⁹ Вынужденность использования нового термина продиктована моим уважительным отношением к основателю «психологической герменевтики» А.А.Брудному.

⁵⁰ Процесс сопереживания не имеет «смысла», как и любая другая эмоция.

⁵¹ Здесь следует обратить внимание на *слова*: употреблено слово «выражает», а не «означает».

⁵² Примеры подобной ситуации даже излишне приводить, так как фонд непрочитанной литературы по крайней мере сравним с фондом прочитанной, а возможно, даже превышает последний.

⁵³ *Самость* - фундаментальное понятие психологии К.Г.Юнга, отражающее экзистенциальность сущности Человека.

⁵⁴ Коллективное соиздание текста не вносит принципиальных изменений в статус личностного Я, так как в этом случае аутентичность обретает характеристику «коллективного Я».

⁵⁵ Вспомним лаконичную формулу А.Н.Леонтьева - «не значение в смыслах, а смысл в значениях».

⁵⁶ «Чужое» - это исторический результат создания «значений».

⁵⁷ «Тысячи тонн словесной руды» Маяковского говорят именно об этом.

⁵⁸ Брудный А. А. Психологическая герменевтика. - М., Лабиринт, 1998, с. 254-255.

⁵⁹ И не случайно, что в *теории информации* сообщение рассматривается через энтропию, то есть в физико-математических категориях, а не в личностных.

⁶⁰ Используя слово «неосознаваемой», я имел в виду, что человек вообще-то не знает, зачем он есть и почему он творит.

⁶¹ Цит. по: Радзинский Э. «...и сделалась кровь!» - М.: Вагриус, 1996, с. 87.

⁶² Хайдеггер М. Семинар в Церингене 1973 г. // Исследования по феноменологии и философской герменевтике. - Мн.: ЕГУ, 2001, с. 109.

⁶³ Следовательно, находящееся в *бессознательном*.

⁶⁴ В изучении *истинной самости Я-в-тексте* и есть «смысл» этого исследования.

⁶⁵ «Отношение мотива к цели» (А.Н.Леонтьев) указывает на *субъективность* этого образования.

⁶⁶ В частности, см. указ. соч. А.А.Брудного.

⁶⁷ Правда, отдельные идеи «личностного в тексте» неоднократно публиковались.

⁶⁸ И *реструктурированный* на уровне сознания.

⁶⁹ Х.-Г.Гадамер. Истина и метод. - М.: Прогресс, 1988, с. 318.

⁷⁰ Метод охватывает и *изобразительный* дискурс, анализ которого *подобен* анализу вербального текста, поэтому в автореферате эта часть диссертации не приводится.

⁷¹ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., Советская Россия, 1979.

⁷² Морозов Н.А. Лингвистические спектры. - ИОРЯС, том 20, кн. 4, 1915. Кстати, «поверить алгеброй гармонию» похожими средствами и в то же время настойчиво пытались и русские формалисты и символисты, в частности, А.Белый (Бугаев).

⁷³ Ворончак Е. Методы вычисления показателей лексического богатства текстов // В кн.: Семиотика и искусствознание. - М.: Мир, 1972.

⁷⁴ Здесь нет противоречия с тем, что говорилось о «неправильном» понимании мира, так как «близкие к действительным» оценки сравниваются с такими же субъективными оценками действительности.

⁷⁵ Фрумкина Р.М. Вероятность элементов текста и речевое поведение. - М.: Наука, 1971.

⁷⁶ Batov V. I., Sorokin Yu. A. The Semantic Integral Method and Its Uses

// Soviet Psychology. - Winter 1976/1977. - Vol. XV. - №2. - P. 53 - 70.

⁷⁷ Под «грамматической характеристикой» понимается широкий спектр измеряемых показателей текста несемантического уровня: от грамматических единиц (существительные, глаголы и пр.) до грамматических конструкций (глубина по Ингве, индекс подчиненности и пр.). Используемый список характеристик может быть любым и зависит от конкретной цели исследования.

⁷⁸ Это - модификация метода «семантического дифференциала» Ч.Осгуда.

⁷⁹ Диалог, например, чаще всего выражен лаконичными предикативными синтагмами.

⁸⁰ Например, психопатические личности предпочитают императивные сообщения в форме монолога, а шизотимики предпочитают интрадиалог и полифонию.

⁸¹ Психологические свойства авторов изучались с помощью личностных тестов.

⁸² Выборка: более 500 авторов базовых текстов, для которых русский язык - родной; возраст - от 19 до 60 лет; профессионально-социальный статус: студенты, ученые, рабочие, военные, политики, предприниматели, артисты и литераторы.

⁸³ Правильность заключений оценивалась на основе статистического сравнения с независимыми психологическими исследованиями авторов базовых текстов.

⁸⁴ В частности, для сравнительного анализа фрагментов компилятивных текстов, писем, заметок на полях, предсмертных записок и т.п.

⁸⁵ Ошибка оценивалась через отношение дисперсий значений формальных характеристик в текстах большого объема (до 5000 слов) и значений субъективных образов тех же характеристик в текстах небольшого объема (от 150 до 300 слов).

⁸⁶ В этом факте состоит отрицательный ответ на традиционный вопрос о непосредственной связи отдельных характеристик текста с теми или иными психологическими особенностями автора.

⁸⁷ Например, длинные предложения, выраженные в субъективном представлении такими понятиями, как «многословный», «большой», «длинный», в большинстве случаев встречаются при монологической форме коммуникации замысла текста.

⁸⁸ Например, циклотимик склонен к интердиалогу в фазе мании и к интрадиалогу в фазе депрессии; шизотимик проявляет аутизм в полифонической форме коммуникации замысла, при синхроничном представлении событий.

⁸⁹ Исходные психологические характеристики авторов определялись эмпирически с помощью стандартных личностных тестов: MMPI, Kettel, Lusher и др.

⁹⁰ То есть статистически достоверно (на 5%-ом уровне значимости) совпадающих с заключениями, сделанными на основе прямого тестирования авторов.

⁹¹ Здесь я следую традиции классического психоанализа, в котором используются аналогичные построения.

⁹² Я здесь не обсуждаю вопрос действительной значимости человека в те самые мгновения, когда он ощущает себя *существующим*. Человек успел за небольшое физическое время использовать свое «значение» в эти мгновения так, что эйкумена стоит на краю гибели.

⁹³ Разумеется, имеет место и обращение к прошлому, скажем, болезни (анамнез), но эта предыстория призвана только к тому, чтобы убедить исследователя в правильности сделанного «здесь и сейчас» диагноза состояния человека.

⁹⁴ Все нижеприведенные примеры эмпирических исследований имеют одинаковый интерфейс. Ограниченность печатного пространства не позволяет полностью привести все табличные и графические результаты. Поэтому я ограничусь избирательным, наиболее иллюстративным интерфейсом для каждого отдельного примера.

⁹⁵ Ведь Новый Завет сказан *всем* людям, его адаптация к субкультурам, естественно, потребовала и приспособления к языковым традициям различных этносов.

⁹⁶ На приведенном рисунке сравнивались только одноименные характеристики из того и другого статусов. Однако полные статусы несколько различались, как в количественном, так и в качественном отношении составляющих палитр.

⁹⁷ Не случайно, что психоаналитики, начиная с З.Фрейда, подчеркивали необходимость *длительного* соучастия психоаналитика с пациентом - до нескольких лет, а иногда и

пожизненно.

⁹⁸ Кажется не случайным, что именно в 1836 году А.С.Пушкин написал «Пора, мой друг, пора...» и бессмертное - «Я памятник себе воздвиг...».

⁹⁹ Одна ось - годы жизни, другая - значения параметра, график -- сами параметры.

¹⁰⁰ Сочетание подавленности и тревожности с импульсивной решительностью.

¹⁰¹ Вариантом Я-чужого может быть и Я-автора, но в другом отрезке времени.

¹⁰² Здесь *нормой*, или точкой отсчета является личностный статус Сталина.

¹⁰³ Причем, это *третий* по счету статус в настоящем исследовании.

¹⁰⁴ Как, кстати, и любое *осознаваемое содержание* нашей памяти.

¹⁰⁵ Роль этого промежуточного звена пока не совсем ясна, и этот вопрос необходимо рассмотреть в отдельной работе.

¹⁰⁶ Что не противоречит современным представлениям о *неадекватности* восприятия человеком действительности.

"Характеристики ранжированы по убыванию значений (веса) в статусе виртуального образа.

¹⁰⁸ В автореферате не приводятся социально-личностные данные. Отметим лишь как пример, что Сталин *психологически* характеризовал Гитлера как стойкого большевика.

¹⁰⁹ Но известно - недостаток информации еще никогда не лишал человека мнения о другом человеке.

¹¹⁰ Добавим к этому тот факт, что Гитлер - неудавшийся художник.

¹¹¹ Это состояние вообще свойственно политикам.

¹¹² Опубликовано как очерк в еженедельнике «Алфавит», март, № 9, 2000 г.

¹¹³ Источник: фрагмент интервью ОРТ М.Леонтьеву, февраль 2000 г.

¹¹⁴ Наименования субкультур здесь, конечно же, весьма условны.

¹¹⁵ Напомню, что результаты исследования необходимо рассматривать во времени *активной* деятельности представителей субкультуры и *положительной* оценки этой деятельности со стороны большей части населения страны.

¹¹⁶ Что и как они «созидали» - вопрос остается открытым для

историков.

¹¹⁷ Исследование проводилось в 1997 году.

¹¹⁸ И здесь нет противоречия: общественная *значимость* не равноценна общественному *признанию*. Вспомним, какими российскими министрами были русские артисты Н.Губенко, Ю.Соломин.

¹¹⁹ Что ему постоянно вменяли в вину критики, и что так нравилось аудитории.

¹²⁰ Здесь: переход за границу общепризнанных этических норм, но в рамках правового поля данного общества.

¹²¹ Речь идет о «застревании», но не о постоянной «злопамятности».

"Амбивалентность психической активности Высоцкого (одновременность присутствия депрессии и гипомании в психическом укладе) - проблема отдельного и тщательного исследования.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Книги и брошюры

Речь в криминалистике и судебной психологии. М., Наука, 1977 - 62 с. - 4 п.л. (в соавторстве с А.А.Леонтьевым и А.М.Шахнаровичем)

Другому как понять тебя? М., Знание, 1991 - 45 с. - 3 п.л.

По ту сторону слова. Очерки прикладной психогерменевтики: от Иисуса Христа до Владимира Высоцкого. М., МПА, 2001 - 267 с. - 16 н.л.

Владимир Высоцкий: психогерменевтика творчества. М., РИК, 2002 - 223 с. - 14 п.л.

Основные статьи

Атрибуция текста на основе объективных характеристик, (в соавторстве с Ю.А.Сорокиным) // Известия АН СССР, серия ЛиЯ, т. 34, 1975, № 1-е. 76-78.

Опыт построения методики для установления авторства текстов, (в соавторстве с Ю.А.Сорокиным) // Известия АН СССР, серия ЛиЯ, т. 36, 1977, № 4 - с. 345 - 347.

Субъективная модель текста и вопросы атрибуции, (в соавторстве с Ю.А.Сорокиным) // Известия АН СССР, серия ЛиЯ, т. 39, 1980, № 2.

Форма текста и вопросы атрибуции, (в соавторстве с Ю.А.Сорокиным) // Известия АН СССР, серия ЛиЯ, т. 42, 1983, № 6.

Атрибуция или идентификация, (в соавторстве с Ю.А.Сорокиным) // Известия АН СССР, серия ЛиЯ, т. 42, 1988, № 5 - с. 481-485.

Атрибуция текста: проблемы метода, (в соавторстве с Ю.А.Сорокиным) // Тетради переводчика, м., 1980, Вып. 17 - с. 85 - 94.

Исследование смысловых образований в структуре функциональных состояний, (в соавторстве с Л.Д.Чайновой и М.В.Ермолаевой) // Психологический журнал, т. 3, 1982, № 6 - с. 66 - 72.

Н.Г.Чернышевский и П.А.Бибиков: опыт одной атрибуции, (в соавторстве с Ю.А.Сорокиным) // История СССР, 1989, № 4 - с. 123- 129.

Авторство текста: некоторые теоретические и прикладные аспекты, (в соавторстве с Ю.А.Сорокиным) В кн. Общение, текст, высказывание. М., Наука, 1989 - с. 112 - 118.

Существует ли формула авторства? - В кн. «Число и мысль», Знание, 1984 с. 117- 137.

Проблема и содержание мемориального проектирования. // Памятниковедение, труды НИИК АН СССР, М., 1986. (отв. редактор) - с. 32 - 49.

К методологии памятниковедения науки и техники. // Памятниковедение, труды НИИК АН СССР, М., 1988. (редактор-составитель) - с. 34 - 45.

Подход к описанию пространства культуры. // Памятник и современность, труды НИИК АН СССР, М., 1987. (отв. редактор) - с. 7 - 22.

Большевики и коммунисты: черты психологической несовместимости. // Альтер-Эго, Рига, 1994, № 1 - с. 7 - 9.

Борис Моисеев в фокусе психолога. // Альтер-Эго, Рига, 1994, № 4 - с. 44-46.

Психолингвистический анализ поэтического творчества (в соавторстве с Шепелевой С.Н. и Петровым В.М.). // Вопросы психологии, 1998, № 1 - с. 83 - 89.

Политические лидеры - кандидаты на пост Президента России - В кн. Россия: партии - выборы - власть. М., Обозреватель, 1996-с. 318 - 326.

Шизотимик или циклотимик... // Архетип, 1996, № 2 - с. 23 -26.

Мягкие и добрые Г.Явлинский и Ф.Дзержинский. // Архетип, 1996, № 3-4 - с. 31-33.

Психологический образ политика XX века. // Архетип, 1997, № 1 - с. 21 - 25.

Места вынужденного пребывания: черты психологического прессинга. // Прикладная психология и психоанализ, 1997, № 3 - с. 83 - 88.

Кумиры массовой культуры: криминальные черты и борьба за существование. // Прикладная психология и психоанализ, 1998, № 2 - с. 12- 14.

О межэтнических отношениях на Северном Кавказе. // Прикладная психология и психоанализ, 1998, № 3 - с. 26 - 33.

Генералы в политике и генералы от политики. // Прикладная психология и психоанализ, 1998, № 4 - с. 64 - 70.

Психологический образ евангелиста Матфея. // Прикладная психология и психоанализ, 1998, № 5/6 - с. 73 - 83.

А.С.Пушкин: от экзальтации до меланхолии. // Приклад-

ная психология и психоанализ, 1999, № 1 - с. 12 - 19.

Пассионарии России XX века. // Прикладная психология и психоанализ, 1999, № 2 с. 5 - 14.

Зачем А.С.Пушкину рисунок? // Прикладная психология и психоанализ, 1999, № 3 - с. 11 — 28.

Великие последние. // Прикладная психология и психоанализ, 2000, № 1-е. 14-27.

Новорусский лик древнейшей профессии. // Прикладная психология и психоанализ, 2000, № 3 - с. 5 - 11.

Иисус Христос - революционер? // Прикладная психология и психоанализ, 2000, № 4 с. 5 - 18.

Террор: психогерменевтика истоков. // Прикладная психология и психоанализ, 2001, № 1 - с. 43 - 53.

Суицид. С.Есенин и В.Маяковский: психогерменевтика последних текстов. // Прикладная психология и психоанализ, 2001, № 3 - с. 10 - 23.

Агрессия и деструктивность. Судьба Владимира Высоцкого в его стихах. // Прикладная психология и психоанализ, 2001, № 4 - с. 5 - 17.

Выступления на конференциях и симпозиумах

К вопросу о диагностике ложных сообщений в письме.

Материалы 3 Всесоюзного симпозиума по психолингвистике. Москва, 1971г.

Семантико-информационный подход в диагностике ложных сообщений.

Тезисы докладов и сообщений на 4 Съезде общества психологов СССР. Тбилиси, 1971г.

О возможности использования психолингвистических методов в судебно-психологической экспертизе.

Материалы Всесоюзной научной конференции: «Современ-

ны тенденции развития судебной экспертизы». Москва, 1972г.

Влияние мотива на выбор слов в альтернативных высказываниях.

Материалы Всесоюзного симпозиума: «Общение как предмет теоретических и прикладных исследований». Ленинград, 1973г.

О константности восприятия речи.

Материалы 5 Всесоюзного симпозиума по психолингвистике. Москва, 1975г.

Семантическая структура стимула как эмоциональный фактор.

Материалы Всесоюзной конференции по эргономике. Ереван, 1977г.

Самооценка правонарушителей.

Тезисы докладов 5 Всесоюзного съезда Общества психологов СССР. Москва, 1977г.

К психолингвистическому анализу восприятия средств визуальной пропаганды.

Тезисы докладов научно-практической конференции: «Организация обучения и пропаганды труда в сельском хозяйстве». Орел, 1977г.

О роли вербальных компонентов в семантической структуре визуальных средств пропаганды.

Тезисы 6 Всесоюзного симпозиума по психолингвистике. Москва, 1978г.

Структура эргономических показателей изделий.

Тезисы докладов 4 Международной конференции стран - членов СЭВ по эргономике. Дрезден-Москва, 1981г.

Семантическая структура поэтического текста.

Тезисы докладов 7 Всесоюзного симпозиума по психолингвистике. Москва, 1982г.

О возможности применения методов изучения личности при контроле за состоянием оператора и прогноз его работы.

Тезисы научных сообщений советских психологов к 6 Всесоюзному съезду Общества психологов СССР. Часть 1, Москва, 1983г.

Судебно-психологические аспекты проблемы спорного авторства.

Тезисы научных сообщений советских психологов к 6 Всесоюзному съезду Общества психологов СССР. Раздел «Юридическая психология». Москва, 1983г.

Индивидуально-психологические характеристики оператора и его отношение к выполняемой работе.

Тезисы докладов Всесоюзной конференции по проблемам эргономического и психологического проектирования среды человеческой деятельности на промышленных предприятиях. Телави - Тбилиси, 1983г.

Язык как средство индикации психики.

Материалы Международной научной конференции: «Информационная культура личности: прошлое, настоящее, будущее». Краснодар, 1996г.

Полиграф сервис, 103031, Москва,
ул. Рождественка, 27. Тел.: 923-31-23
Тираж 100 экз. Зак. № 5